

А.З. Жебин*

КНДР: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН?

Статья содержит анализ текущей ситуации в КНДР и основных проблем, стоящих перед новым руководством страны, возглавляемым Ким Чен Ыном. В сложной внутренней и международной обстановке северокорейские руководители смогли обеспечить политическую стабильность и гладкий процесс передачи власти после смерти Ким Чен Ира, но ситуация в экономике и продовольственная проблема остаются главными вызовами режиму. События в Ливии вряд ли будут стимулировать КНДР отказаться от ядерного оружия. Политика приоритета армии, направленная на сохранение власти, поддержание политической и социальной стабильности, отражение внешней угрозы, до сих пор была успешной. Однако призыв Ким Чен Ына построить «процветающую страну» может потребовать перераспределения ограниченных ресурсов из военных в гражданские сектора экономики.

Ключевые слова: КНДР, Ким Чен Ын, наследование власти, стабильность режима, реформы, ядерная проблема, шестисторонние переговоры.

Неожиданная смерть 17 декабря 2011 г. руководителя Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) Ким Чен Ира, находившегося у власти почти 18 лет, не только подвела черту под целой эпохой в истории этого государства, но и оказалась в числе важнейших международных событий минувшего года, поскольку вызвала цунами предположений и прогнозов о возможных переменмах во внутренней и внешней политике Северной Кореи, к которой мировое сообщество сейчас проявляет огромный интерес [3; 15].

Интерес этот вызван главным образом двумя обстоятельствами: во-первых, некоторыми особенностями политического устройства и идеологии КНДР (причем идеологии не просто официальной, но и обязательной для всех жителей от мала до велика), называющей себя социалистическим государством; во вторых – во многом обусловленным этими особенностями стремлением Северной Кореи, сравнительно небольшой страны, во что бы то ни стало стать ядерной и космической державой. Оба фактора особенно наглядно были продемонстрированы в конце 2011 – первой половине 2012 г. в процессе передачи власти новому руководителю КНДР Ким Чен Ыну – одному из сыновей умершего лидера, а также оче-

* Жебин Александр Захарович – к.п.н., руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН (e-mail: zhebin@ifes-ras.ru).

редной (и вновь оказавшейся неудачной) попытки вывести на орбиту искусственный спутник Земли. Запуск в полном соответствии с социалистическими канонами был приурочен к «величайшему национальному празднику» – 100-летию со дня рождения Ким Ир Сена, отмеченному 15 апреля 2012 г., и проходившему в те же дни завершающему этапу «интронизации» самого молодого лидера в послевоенной истории обоих корейских государств.

В данной статье автор исследует путь нового руководителя к власти и условия, которые позволили ему, судя по всему, без особых помех утвердиться на ее вершине; анализирует новую расстановку сил в северокорейском руководстве и громкие отставки в его составе; рассматривает первые шаги Ким Чен Ына во внутренней и внешней политике и ее возможные направления в будущем. Высказываемые автором оценки являются его личным мнением, которое не обязательно совпадает с позицией Института Дальнего Востока РАН.

Как растят «продолжателей революционного дела»

Быстрый (если не сказать – стремительный) и, похоже, успешно завершённый процесс передачи высшей военной, партийной и государственной власти Ким Чен Ыну стал неприятным сюрпризом для многих западных аналитиков. Если его отцу – Ким Чен Иру – после кончины Ким Ир Сена на это потребовалось более 4 лет (с июля 1994 г. по сентябрь 1998 г.), то сыну достаточно было менее 4 месяцев (с 17 декабря 2011 г. по 13 апреля 2012 г.). Апокалиптические предсказания, зачастую похожие на попытки выдать желаемое за действительное, о скором и неминуемом «коллапсе» КНДР в результате борьбы за власть в правящей верхушке, разногласий между некими «реформаторами» и «консерваторами», экономических неурядиц и голода, делавшиеся западными «экспертами» на протяжении последних двух десятилетий и встречавшие особенно благодарную аудиторию в официальном Сеуле, в который уже раз не оправдались.

Выстроенная Ким Ир Сенем и Ким Чен Иром властная вертикаль оказалась на удивление устойчивой. Помогли, видимо, и огромная организационная работа, в том числе кадровые перестановки, проведенные Ким Чен Иром в последние три года его жизни, тщательно выверенный баланс полномочий высших партийных и государственных органов. Там оказались лишь те деятели, которые уже подтвердили свою готовность стать надежными помощниками и советниками молодого лидера, но отнюдь не его соперниками. Неудивительно, что наследственная передача власти 28-летнему представителю третьего поколению клана Кимов не встретила, похоже,

никаких возражений со стороны основных группировок северо-корейской правящей элиты – партии, армии, спецслужб, госаппарата.

Судя по реакции официальных лиц в Китае и России, нашла она понимание и у руководителей этих государств, которые не замедлили выразить свою готовность соблюдать существующие двусторонние договоренности с этой страной и иметь дело с новым лидером КНДР [29; 30]. Возможно, в этом и заключалась главная цель бесед Ким Чен Ира с китайскими руководителями в ходе его беспрецедентных по частоте поездок в КНР (четыре только в 2010–2011 гг.), а также визита в Россию в августе 2011 г. и встречи с бывшим тогда президентом РФ Д.А. Медведевым.

После кончины Ким Чен Ира в северокорейских СМИ была развернута массированная кампания, призванная убедить население в обоснованности очередной передачи власти по наследству. Настоящим откровением в этом плане стал показанный центральным телевидением КНДР 8 января 2012 г., в день рождения нового лидера, документальный фильм о его (уже объявленном «великом») руководстве различными областями жизни страны и даже ее космической программой.

Лента также подтвердила, что подготовка Ким Чен Ына на роль наследника началась задолго до принятия каких-либо формальных решений на этот счет высшими партийными и государственными органами. Стало ясно, какие огромные усилия прилагал на протяжении последних лет своей жизни Ким Чен Ир для того, чтобы ввести наследника в курс дела, а заодно и лично представить его местным партийным и хозяйственным руководителям, включая его в свою свиту при поездках по стране для «руководства на месте» армейскими подразделениями, объектами народного хозяйства, различными учреждениями и организациями.

Достоверные данные о личности нового северокорейского лидера пока достаточно скупы. Даже год его рождения официально не подтвержден (1983 г., по другим сведениям – 1984 г.). Ким Чен Ын, третий из известных миру сыновей Ким Чен Ира, был рожден его третьей женой Ко Ен Хи, умершей в 2004 г. Некоторое время он учился в элитной международной школе в Берне. Вместе с одним из старших братьев – Ким Чен Чхолем – прошел специально организованный для них курс обучения в Военной академии имени Ким Ир Сена.

Решение окончательно определиться с наследником и форсировать его подготовку к исполнению этой роли было принято Ким Чен Иром, по-видимому, в начале 2009 г., когда он смог вернуться к руководству страной после постигшего его в августе 2008 г. инсульта (некоторые обозреватели склонны относить начало этого процесса к 2006 г.).

Выбор на роль преемника младшего сына при наличии двух его живых старших братьев (Ким Чен Нама, от солистки «революционной оперы» под названием «Девушка-цветочница» Сон Хэ Рим, умершей и похороненной в Москве в 2002 г., и Ким Чен Чхоля, первого сына от Ко Ен Хи) не вполне соответствует конфуцианским традициям, к которым все больше стали апеллировать в КНДР с начала 1990-х годов, впрочем, отказываясь называть их таковыми. Однако подобные случаи в многовековой истории Кореи бывали. Ким Чен Ир, видимо, разглядел у младшего сына задатки, которые должны были позволить ему успешно справиться с непростой миссией «продолжателя революционного дела», начатого отцом самого Ким Чен Ира – Ким Ир Сенем.

Безусловной заслугой последнего, не отрицаемой даже в Южной Корее и помогшей ему стать харизматичным лидером, было его личное участие в вооруженной борьбе против японских колонизаторов, хотя северокорейской историографией его роль в ней как минимум сильно преувеличена. Вскоре после освобождения в августе 1945 г. севера Корейского полуострова Красной армией, еще до образования КНДР в 1948 г., он не без помощи СССР, откуда вернулся в Корею только в сентябре 1945 г., стал руководителем партии и государства и бесценно оставался им вплоть до своей кончины в 1994 г.

Учитывая уроки десталинизации в СССР, а затем посмертной критики Мао Цзэдуна в Китае, Ким Ир Сен считал, что лучше других с задачей сохранения культивировавшегося в КНДР мифа о нем как о «непобедимом стальном полководце», «освободителе Кореи» от колониального господства, «разгромившем при жизни одного поколения два империализма – японский и американский», и, наконец, о «гении», создавшем идеи чучхе – «вершину философской мысли человечества», справится тот, кто будет кровно заинтересован в увековечивании его «заслуг» и продолжении его курса как главного источника легитимации власти [7].

На роль такого деятеля вполне в духе конфуцианской традиции им был выбран его старший сын – Ким Чен Ир. Это произошло еще в начале 1970-х годов по инициативе самого Ким Ира [5, с. 2–3]. На Пленуме Центрального комитета Трудовой партии Кореи (ЦК ТПК) в феврале 1974 г. Ким Чен Ир был избран членом Политкомитета ЦК ТПК, секретарем ЦК ТПК и официально был признан партийным руководством в качестве «наследника» вождя. В 1980 г. на VI съезде ТПК наследник был избран членом Президиума Политбюро ЦК ТПК, секретарем ЦК ТПК и членом Военного комитета ЦК партии. Однако ждать своего часа ему пришлось еще 14 лет (Ким Ир Сен скончался 8 июля 1994 г.).

Официальное представление «городу и миру» следующего наследника, Ким Чен Ына, состоялось 16 лет спустя – на III конфе-

рениции ТПК, созданной после 44-летнего перерыва и продлившейся всего один день, 28 сентября 2010 г. Предыдущий такой форум был в 1966 г., а последний по счету, VI съезд ТПК – в 1980 г.

За день до открытия конференции приказом Верховного главнокомандующего Корейской народной армии (КНА) Ким Чен Ыну, а также Ким Ген Хи, родной младшей сестре Ким Чен Ира, были присвоены звания генералов армии. Такое же звание получил еще один высокопоставленный партийный функционер – Цой Рен Хэ, головокругительный взлет которого к самым вершинам партийной и военной иерархии, состоявшийся весной 2012 г., судя по всему, был запланирован уже тогда самим Ким Чен Иром.

Смысл наделения погонями этих сугубо гражданских лиц, прежде всего Ким Чен Ына, начал проясняться на следующий день после сообщений о персональном составе высших партийных органов, избранных на конференции и созданном в тот же день Пленуме ЦК ТПК. Ким Чен Ын стал заместителем Председателя (Ким Чен Ира) в Центральном военном комитете (ЦВК) ТПК, а Цой Рен Хэ избран членом этого органа в дополнение к тому, что получил посты кандидата в члены Политбюро ЦК ТПК и секретаря ЦК ТПК.

Что же касается родной сестры Ким Чен Ира – Ким Ген Хи и ее мужа Чан Сон Тхэка, то по итогам партконференции первая стала членом Политбюро ЦК ТПК, а второй – кандидатом в члены Политбюро и членом ЦВК ТПК. Укрепляя ближайшими родственниками состав руководящих партийных органов, Ким Чен Ир явно следовал примеру своего отца, который, будто предчувствуя свою кончину, менее чем за год до нее, в 1993 г., вернул из продолжавшегося 18 лет политического небытия своего младшего брата Ким Ен Чу, введя его в состав Политбюро ЦК ТПК и назначив одним из трех вице-президентов КНДР¹.

На конференции были пополнены изрядно поредевшие из-за естественной убыли ЦК ТПК, Центральная ревизионная комиссия ТПК и Контрольная комиссия ЦК ТПК. На состоявшемся в тот же день Пленуме ЦК были избраны члены и кандидаты в члены Политбюро (17 и 15 человек соответственно), в том числе Президиум Политбюро ЦК (5 человек) и секретари ЦК (11 человек), образован Секретариат ЦК, а также избран ЦВК партии (19 человек). Новацией для КНДР стала публикация в печати биографий

¹ Политическая карьера Ким Ен Чу, первоначально планировавшегося на пост преемника своего старшего брата Ким Ир Сена (возможно, по примеру Фиделя и Рауля Кастро на Кубе), внезапно оборвалась в середине 1970-х годов, когда Ким Ир Сен окончательно остановил свой выбор наследника на Ким Чен Ире. Сейчас о Ким Ен Чу снова ничего неизвестно.

членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ТПК, а также списка заведующих отделами ЦК партии, утвержденных Пленумом.

В Уставе ТПК, обновленном на конференции, отмечено, что ее «единственными руководящими идеями» являются созданные Ким Ир Сенем идеи чучхе. В качестве напоминания о марксизме-ленинизме осталась лишь декларация приверженности ТПК его «революционным принципам». Провозглашена решимость бороться против оппортунизма, ревизионизма, низкопоклонства и других «реакционных течений» [12, 20.09.2010].

Годом ранее на проходившей всего один день, 9 апреля 2009 г., 1-й сессии Верховного народного собрания (ВНС) КНДР 12-го созыва был заметно обновлен и расширен (до 13 человек) Государственный комитет обороны (ГКО). Тогда же были внесены очередные дополнения и изменения в «Социалистическую конституцию» КНДР, принятую в 1972 г. (предыдущие поправки датированы 1992 и 1998 гг.). Главным нововведением стало появление в Основном законе специального раздела «Председатель Государственного комитета обороны», в котором прямо было указано, что деятель, занимающий этот пост, является «верховным руководителем КНДР» [17, с. 19]. К списку его полномочий добавились руководство «всеми делами государства», ратификация и денонсация «важных» международных договоров, право амнистии и, наконец, объявление чрезвычайного и военного положения и мобилизации [17, с. 19].

В дальнейшем состав ГКО несколько менялся. Самым заметным назначением стало продвижение Чан Сон Тхэка из рядовых членов комитета в заместители председателя, проведенное на 3-й сессии ВНС КНДР 12-го созыва, которая состоялась 7 июня 2010 г. с участием Ким Чен Ира.

На той же сессии ВНС были произведены существенные перестановки в Кабинете министров, сформированном немногим более года назад — в апреле 2009 г. Новым премьером был избран 80-летний Цой Ен Рим, заведовавший секретариатом Ким Ир Сена еще в 1970-е годы и с тех пор поработавший едва ли не на всех ключевых постах в партийном и государственном аппарате и даже на провинциальном уровне. Были отозваны со своих постов 3 вице-преьера и назначены 6 новых заместителей главы правительства [11]. Судя по всему, основной причиной замен стали существенные экономические и социальные издержки, вызванные недостаточно продуманной и неумело проведенной в конце 2009 г. денежной реформой (недовольство населения оказалось настолько сильным, что ее правила пришлось корректировать, как говорится, на ходу).

В результате перестановок к концу 2011 г. каждое направление партийной работы и государственного управления оказалось уком-

плектованным опытными, а главное – многократно проверенными функционерами, на которых, как не без основания полагал Ким Чен Ир, его преемник мог бы опираться на начальном этапе самостоятельного правления. Разумеется, все эти люди были введены Ким Чен Иром в высшие органы партии и государства как раз в расчете на то, что они, во-первых, смогут дать дельный совет молодому лидеру, а во-вторых – возьмут на себя повседневное руководство отдельными участками работы, пока он не наберется опыта.

В целом выстроенная система управления оказалась практически идентичной той, которую создал Ким Ир Сен для плавного вхождения во власть самого Ким Чен Ира. Судя по рекордно короткому и (теперь уже можно, кажется, признать) успешному завершению данного процесса, и на этот раз такая модель оказалась вполне работоспособной.

Ким Чен Ын: первые «100 дней»

Первым свидетельством успешного обеспечения преемственности власти стали оперативно принятые решения Политбюро ЦК ТПК, бесценно правящей в стране с 1945 г. На своем заседании 30 декабря 2011 г. оно провозгласило Ким Чен Ына, во исполнение «завета» Ким Чен Ира от 8 октября 2011 г., Верховным главнокомандующим КНА, а также приняло постановление, в котором он назван «единственным наследником» Ким Чен Ира и «единым центром руководства, единства и сплоченности» ТПК [31]. В речи Председателя Президиума ВНС КНДР Ким Ен Нама на центральном траурном митинге в Пхеньяне 29 декабря Ким Чен Ын был объявлен «высшим руководителем нашей партии, армии и народа» [12, 30.12.2011].

Занятие им высших партийных и государственных постов было запланировано приурочить к празднику, к которому в КНДР готовились на государственном уровне на протяжении более десятка лет, – 100-летию со дня рождения Ким Ир Сена. Руководство КНДР, как явствовало из Постановления и принятых на том же заседании Призывов ЦК ТПК и ЦВК ТПК, рассматривало этот юбилей как важнейшее событие в жизни страны и было намерено воспользоваться празднованием для дальнейшей легитимации режима и подтверждения правоты проводимого до сих пор курса.

Важной частью подготовки к торжествам стали меры по увековечиванию памяти о Ким Чен Ире. Было принято решение поместить его тело в Кымсусанский мемориальный дворец – «священный храм чучхе», где уже находился саркофаг с телом Ким Ир Сена. Согласно этому же «Специальному решению» Политбюро

ЦК ТПК, на холме перед Музеем корейской революции рядом со стоявшей там гигантской статуей Ким Ир Сена в рекордно короткие сроки был поставлен памятник Ким Чен Иру. По аналогии с днем рождения Ким Ир Сена, который в КНДР после его смерти официально переименовали в «День Солнца», день рождения Ким Чен Ира, отмечаемый 16 февраля, решено назвать «Днем Лучезарной звезды». По всей стране намечено разместить портреты Ким Чен Ира и возвести стелы, гласящие, что он остается «вечно живым» [33]. В феврале, накануне его дня рождения, были учреждены орден Ким Чен Ира и несколько видов премий, носящих его имя. Наконец, усопшему лидеру посмертно было присвоено звание Генералиссимуса КНДР [34].

Завершающие этапы этой кампании проходили в тесной увязке с интронизацией Ким Чен Ына на двух форумах — состоявшихся 11 апреля IV конференции ТПК и 13 апреля — 5-й сессии ВНС КНДР 12-го созыва. Многие наблюдатели обратили внимание на то, что руководство КНДР так и не решилось на созыв съезда партии, хотя его не проводили уже 32 года, а предпочло организовать еще одну партийную конференцию всего лишь через 18 месяцев после предыдущей (в сентябре 2010 г.), менее обязывающую к подведению итогов и выдвижению (или подтверждению) стратегического курса.

На конференции северокорейские «революционеры», как и после смерти Ким Ир Сена, вновь обратились к многовековым политическим традициям конфуцианского культурного ареала, согласно которым, в частности, умершему императору или королю (впрочем, не только правителям) давали специальное посмертное имя. В Пхеньяне этот обычай слегка подправили и вместо имени стали наделять своих лидеров «вечной» должностью. В 1998 г. титул «вечного президента» был закреплен за Ким Ир Сенем, что и было зафиксировано в Конституции [17, с. 2]. Из перечня высших органов государственной власти этот пост исчез, а полагавшиеся ему полномочия были распределены между другими высшими властными институтами. К подобным решениям в КНДР относились очень серьезно: известны случаи, когда в 1994–1995 гг. новые северокорейские послы в ряде государств пытались вручить верительные грамоты от имени умершего, но остававшегося для них живым «вечного президента» Ким Ир Сена.

На этот раз в Пхеньяне пошли еще дальше — за Ким Чен Иром навечно закрепили сразу два высших поста — Генерального секретаря ТПК и Председателя ГКО. Молодой руководитель удовольствовался должностью Первого секретаря ТПК, а также возглавил ГКО в несколько экзотично звучащем качестве Первого Председателя этого «высшего органа государственной власти в области обо-

роны». Соответствующие изменения были внесены в Устав ТПК и «Социалистическую конституцию» КНДР, как официально называется Основной закон этой страны [18]. Кроме того, в дополнение к посту Верховного главнокомандующего КНА, полученному им в конце 2011 г., Ким Чен Ын занял ключевой пост Председателя ЦВК ТПК.

Существенное пополнение получило Политбюро ЦК партии (7 новых членов и 5 кандидатов), уже поредевшее после партконференции 2010 г. Были избраны несколько новых секретарей ЦК и членов ЦВК ТПК. Одним из наиболее знаковых повышений стало избрание членом Политбюро Чан Сон Тхэка, как утверждают, едва ли не главного ментора нового лидера. Этот деятель сохранил за собой также посты заместителя главы ГКО и заведующего одним из ключевых подразделений ЦК ТПК – отделом административных органов. Ким Ген Хи в дополнение к членству в Политбюро стала еще и секретарем ЦК ТПК.

Однако утверждения некоторых специалистов, что Чан Сон Тхэк и, возможно, Ким Ген Хи якобы взяли на себя роль «регенгов» при новом руководителе, представляются малоубедительными. Северокорейскую властную пирамиду десятилетиями выстраивали под одного лидера, власть которого фактически ничем не ограничена. Последние попытки помешать становлению этой системы были безжалостно подавлены Ким Ир Сеном еще в 60–70-х годах прошлого столетия, и упомянутая судьба его младшего брата – достаточно убедительное тому подтверждение. Ким Чен Ын – продукт и воплощение данной системы, поэтому он вряд ли будет делить с кем-нибудь власть. Он, как и его отец после смерти Ким Ир Сена, будет править самостоятельно, опираясь на тех людей, которые возвышены им лично или оставлены ему в помощники Ким Чен Иром.

Секрет политического долгожительства почти всех ветеранов в нынешнем северокорейском руководстве заключается в том, что они хорошо усвоили этот урок и отлично знают: нет хуже преступления, чем быть даже просто заподозренным в каких-то политических амбициях, выходящих за пределы обязанностей, которые очерчены для них «вождем», поэтому даже самые высокопоставленные из них если и будут соперничать, то только между собой и только за право чаще быть услышанными новым лидером и оказаться полезными ему. Безусловно, члены семьи, как известно из истории многих стран, зачастую больше приближены, им больше доверяют, так что слово Чан Сон Тхэка или Ким Ген Хи вполне может стать одним из наиболее весомых.

Похоже, что признаком именно такого развития событий стало первое крупное кадровое решение Ким Чен Ына – нашумевшее

освобождение «по болезни» от всех занимаемых постов члена Президиума Политбюро ЦК ТПК, заместителя Председателя ЦВК ТПК, начальника Генштаба КНА вице-маршала КНА Ли Ен Хо, проведенное на специально созванном для этого в воскресенье (!) 15 июля 2012 г. заседании Политбюро ЦК партии [32].

Новым начальником Генштаба КНА стал малоизвестный генерал Хен Ен Чхоль. Он командовал войсками, дислоцированными на границе с КНР, и занимал скромное 77-е место в списке членов комиссии по похоронам Ким Чен Ира. По случаю назначения ему присвоили звание вице-маршала КНА.

Двумя днями позже Ким Чен Ыну было присвоено звание маршала КНДР. Таким образом, новый лидер, который стал Верховным главнокомандующим КНА почти сразу после смерти отца, теперь имеет и самое высокое воинское звание среди ныне здравствующих северокорейских руководителей. Кстати, распространявшиеся подавляющим большинством российских и зарубежных информагентств сообщения о том, что Ким Чен Ыну присвоено звание маршала «северокорейской армии», или «вооруженных сил», являются, мягко говоря, не вполне точными².

Что же касается Ли Ен Хо, то этот кадровый военный был обязан своей блестящей карьерой лично Ким Чен Иру, который, едва оправившись от болезни, в феврале 2009 г. назначил его начальником Генштаба КНА. В сентябре 2010 г. Ли Ен Хо получил звание вице-маршала КНА, вошел в пятерку высших партийных руководителей, став членом Президиума Политбюро ЦК ТПК наряду с самим Ким Чен Иром, Председателем Президиума ВНС КНДР Ким Ен Намом, главой Кабинета министров Цой Ен Римом и тогда уже тяжело больным и вскоре умершим начальником Главного политуправле-

² Звания «маршал КНДР» и «маршал КНА» – совершенно разные по значению. В военной иерархии Северной Кореи имеется четыре высших воинских звания (по нарастающей): вице-маршал КНА, маршал КНА, маршал КНДР и Генералиссимус. Звание маршала КНДР по аналогии с военной иерархией бывшего СССР соответствует Маршалу Советского Союза, а звания маршала и вице-маршала КНА не имеют аналогии и примерно могут быть приравнены к нашим маршалам родов войск и генералу армии. В северокорейской истории звание маршала КНДР присваивали всего трижды – Ким Ир Сену в феврале 1953 г. (в период Корейской войны 1950–1953 гг.), в 1992 г. – его сыну и наследнику Ким Чен Иру и в апреле 2012 г. – Ким Чен Ыну. Звания Генералиссимуса были удостоены лишь двое: Ким Ир Сен в 1992 г. и сам Ким Чен Ир, но уже посмертно, в феврале 2012 г. Что касается маршалов КНА, то это звание получали тоже только двое северокорейских военачальников – ныне покойный министр народных вооруженных сил О Дин У (в 1992 г.) и совсем уже отошедший от дел сослуживец Ким Ир Сена по 88-й бригаде в Вятском – Ли Ыр Сер (в 1995 г.). Последний, кстати, является одним из немногих оставшихся в живых в КНДР участников Великой Отечественной войны и обязательно приходит по случаю Дня Победы в российское посольство в Пхеньяне, чтобы получить очередную юбилейную медаль.

ния КНА вице-маршалом КНА Чо Мен Роком. Однако не менее важным назначением, полученным тогда же, стала должность заместителя Председателя ЦВК ТПК, ведь пост еще одного заместителя (их всего двое) главы ЦВК был отдан Ким Чен Ыну.

Судя по многочисленным фотографиям и видеосюжетам с военных парадов и посещений воинских частей, Ли Ен Хо была предназначена роль военного наставника Ким Чен Ына. На трибуне вице-маршал, как правило, стоял непосредственно между Ким Чен Иром и наследником, уделяя пояснениям ему зачастую больше времени, чем общению со стоявшим по другую руку Ким Чен Иром.

Только самые внимательные аналитики могли разглядеть начало заката этой блестящей карьеры, которое было положено, как это ни покажется странным, в дни юбилейных торжеств. Первым тревожным знаком стало отсутствие начальника Генштаба (человека, непосредственно отвечающего за боевую подготовку войск и планирование военных операций) в списке членов обновленного на сессии ВНС 13 апреля 2012 г. ГКО.

Не исключено, что Ли Ен Хо был «назначен» виновным за неудачный запуск искусственного спутника, проведенный утром того же дня. В мире этот запуск восприняли как еще одно испытание межконтинентальной баллистической ракеты, запрещенное Пхеньяну резолюциями Совета Безопасности ООН. КНДР проигнорировала многочисленные просьбы, в том числе со стороны России и Китая, отменить запуск и пригласила на него около 200 иностранных журналистов. Однако вместо радостного доклада об очередном успехе «чучхейской» науки и техники и запланированной официальной пропагандой подачи запуска как торжественного салюта в честь начала «эры Ким Чен Ына» новый руководитель получил весьма болезненный, а главное — публичный удар по самолюбию.

Еще одним «знаком судьбы» для Ли Ен Хо могли, видимо, стать не менее головокружительные карьеры новых выдвиженцев наследника. Не секрет, что многие (если не все) лидеры государств, особенно с системой власти, подобной Северной Корее, предпочитают видеть в своем окружении людей, лично обязанных им своим продвижением, а Ли Ен Хо, как уже отмечено, был выдвиженцем Ким Чен Ира.

Наиболее стремительный взлет был уготован Цой Рен Хэ, сыну соратника Ким Ир Сена по партизанской борьбе Цой Хена, в 1950—1970-е годы занимавшего различные государственные посты, в том числе министра народных вооруженных сил КНДР. В апреле 2012 г. Цой Рен Хэ был удостоен звания вице-маршала КНА, назначен на остававшийся после смерти Чо Мен Рока ва-

кантным пост начальника Главного политического управления (Главпура) КНА и введен в Президиум Политбюро ЦК ТПК. В довершение ко всему он занял также место заместителя Председателя ЦВК ТПК, освободившееся в связи с избранием Ким Чен Ына главой ЦВК³.

В апреле 2012 г. заметное повышение получили еще несколько руководителей Главпура КНА. Так, первому заместителю начальника Главпура генералу армии Ким Ден Гаку присвоили звание вице-маршала КНА и назначили его министром народных вооруженных сил. На конференции ТПК его избрали членом Политбюро ЦК ТПК. Еще один из руководителей Главпура генерал Ким Вон Хон возглавил Министерство охраны государственной безопасности – главное ведомство по борьбе с политическими преступлениями и другими угрозами существующему в КНДР строю. Он также был введен в Политбюро ЦК. Наконец, один из бывших заместителей начальника Главпура генерал армии Хен Чер Хэ получил звание вице-маршала КНА и пост первого заместителя министра народных вооруженных сил.

Фактически армия передана под контроль партийных функционеров (Цой Рен Хэ) и группы политкомиссаров, вместе работавших в Главпуре. На праздничном параде в Пхеньяне 15 апреля на трибуне шеренгу военачальников, стоявших справа от нового лидера (слева размещаются партийные и государственные функционеры) впервые возглавлял Цой Рен Хэ, а Ли Ен Хо оказался в ней вторым. Возможно, профессиональный солдат Ли Ен Хо не сработался с политкомиссарами или предлагаемая им линия не получила их поддержки. Речь может идти и о перераспределении весьма

³ Стоит пояснить, что, согласно сложившейся при Ким Чен Ире табели о рангах среди высшего генералитета, первое место в нем стал занимать не министр обороны (в КНДР этот пост называется «министр народных вооруженных сил»), а начальник Главпура. За ним следовал начальник Генштаба КНА. Министру были оставлены в основном хозяйственные и логистические задачи, его роль также заметно уменьшилась с расширением полномочий ГКО, произошедшим при Ким Чен Ире. Главной причиной этих перемен стало потрясение, которое вызвало в Пхеньяне то обстоятельство, что располагавший мощными вооруженными силами и занимавший место одной из «сверхдержав» Советский Союз «рухнул в одночасье, без единого выстрела». Главную причину краха социализма в СССР и других бывших социалистических странах в Пхеньяне увидели в проникновении в руководство их правящих партий «предателей социализма», которым удалось навязать линию на деполитизацию и деидеологизацию армии и силовых структур [2, с. 25]. На этом основании северокорейцы сделали заключение о том, что «идейное разоружение армии разрушает социализм. <...> Ярчайший пример тому – процесс распада социализма в ряде стран Восточной Европы» [12, 16.06.1999]. В этой связи в КНДР было принято решение повысить роль политработников в войсках. Так тогдашний начальник Главпура Чо Мен Рок стал первым заместителем Председателя ГКО.

ограниченных ресурсов между военно-промышленным комплексом и гражданской экономикой в соответствии с призывами нового руководителя к скорейшему построению «процветающей», «лучшей в мире» страны. Именно эта цель названа им первой среди четырех патриотических задач северокорейцев, в то время как следование политике «приоритета армии» занимает в данном списке второе место [26].

Официальная версия о состоянии здоровья как единственной причине освобождения Ли Ен Хо от всех постов явно не выдерживает критики. Показательно, что правительственное Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК) даже опубликовало специальный комментарий в ее поддержку, что само по себе беспрецедентно для агентства и всей КНДР [25].

В истории Северной Кореи бывали случаи, когда тех или иных деятелей освобождали от государственных должностей, требовавших постоянных интенсивных усилий и сопряженных с большой ответственностью. Пост начальника Генштаба к таковым, безусловно, относится. Однако их, как правило, не лишали всех постов сразу. Более того, некоторые члены высшего руководства на протяжении многих лет оставались практически недееспособными, прикованными к больничной койке, но никто не выгонял их из партийных органов и не освобождал от государственных sinecur, а работали за них исполнявшие обязанности, первые заместители или просто замы этих лиц.

Судьба Ли Ен Хо вновь побуждает обратиться к роли военных в современной КНДР. С выдвижением там в 1995 г. линии на «приоритет армии» — *сонгун* — группе высших военачальников, бесспорно, стало принадлежать особое место в руководстве страны. Некоторые специалисты даже предположили, что Ким Чен Ир, возможно, стал «заложником» военных и не может действовать без их ведома. Во всяком случае то, что он старался заручиться поддержкой генералов, не вызывало никаких сомнений — высшие воинские звания и награды, а также различные привилегии сыпались на них как из рога изобилия.

Однако при оценке степени реального влияния северокорейской номенклатуры, в том числе высшего генералитета, важно учитывать, что каждый ее отдельный представитель сам по себе полностью бесправен и не защищен от своеволия лидера. Это и подтвердил случай с Ли Ен Хо. История КНДР знает немало примеров того, как в одночасье рушились самые блестящие карьеры, а люди, занимавшие места в высшем партийном и государственном руководстве, исчезали с политической арены и в лучшем случае

оказывались директорами уездных автохозяйств. Так именно, кстати, произошло в конце 1960-х годов с одним из предшественников Ли Ен Хо на этом посту – кандидатом в члены Политкомитета (так тогда называлось Политбюро) ЦК ТПК, начальником Генштаба КНА Цой Гваном за участие в деятельности «военно-бюрократической группировки». Схожая судьба постигла в 1988 г. еще одного начальника Генштаба – члена Политбюро ЦК ТПК О Гык Реля.

Практически всех членов нынешнего высшего руководства КНДР на различных этапах их карьеры понижали в должности, подвергали «революционному перевоспитанию» (многих – не единожды) и даже «чисткам», в результате которых порой надолго не допускали в большую политику. Вместе с тем Ким Ир Сен как основатель клана и его патриарх все же, как правило, не прибегал к «крайним» мерам в отношении родственников, своих старых соратников и членов их семей и рано или поздно возвращал «проштрафившихся» в свой ближний круг. В целом придерживался этой линии и Ким Чен Ир.

Подобные методы в известной степени повышали эффективность работы аппарата, придавали ему необходимый жизненный тонус и в то же время зачастую использовались для перекладывания на исполнителей ответственности за неграмотные решения лидера. В то же время такой произвол, влекший «потерю лица» и публичное унижение весьма уважаемых людей, которые сами часто были главами своих мини-кланов, вряд ли мог способствовать расширению рядов искренних приверженцев руководства страны.

Однако в целом правящая элита пока что сохраняет единство, основанное на общей заинтересованности в удержании власти и тем более – в исключении такого поворота событий, как в Восточной Европе, на Балканах, в Ираке и на севере Африки, особенно с учетом судьбы, постигшей руководителей ряда этих стран и высшую номенклатуру, включая генералитет. Все попытки взломать это единство извне до сих пор не принесли успеха, что в конечном итоге и обеспечило выживание КНДР.

Стоит добавить, что формальный пост, занимаемый человеком в северокорейской официальной иерархии, не всегда свидетельствует о его истинном политическом весе. После смерти Ким Ир Сена, по мере того как представители «первого поколения революционеров» сходили с политической арены по старости, ближайшими советниками Ким Чен Ира очень быстро стали работники не самого высокого ранга – не престарелые члены Политбюро, не

министры, а более молодые и дееспособные первые заместители заведующих наиболее важными отделами ЦК ТПК. Выходцем именно из этого круга функционеров является, в частности, и Чан Сон Тхэк.

Учитывая возраст нынешних руководителей КНДР (среди 33 оставшихся после последних перестановок членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК 11 человек – старше 80 лет, 12 – старше 70 лет и только 1 – моложе 60 лет), повторение такого сценария смены руководства в ближайшие годы можно считать вполне вероятным. Таким образом, у нового лидера, если он сумеет удержаться у власти, есть шансы сравнительно быстро окружить себя лично подобранными им молодыми помощниками. К тому же случай с Ли Ен Хо продемонстрировал, что Ким Чен Ын и его ближайшее окружение не намерены ждать и будут незамедлительно освобождаться от самых высокопоставленных деятелей, чья позиция или даже поведение вызовет у них недовольство либо подозрения в нелояльности.

Массовое возвышение политкомиссаров и отставка Ли Ен Хо позволяют, на наш взгляд, внести окончательную ясность в вопрос, армия или все же партия занимает сейчас доминирующие позиции в политической системе КНДР. Отвечая на него, стоит учесть еще три факта. Во-первых, ГКО был всего лишь третьим в списке высших партийных и государственных органов, от имени которых было сделано сообщение о кончине Ким Чен Ира: комитет значился там после ЦК ТПК, ЦВК ТПК, но перед Президиумом ВНС КНДР и Кабинетом министров КНДР. Во-вторых, Ким Чен Ын начал свою карьеру не с членства в ГКО, а с поста заместителя председателя ЦВК ТПК. В-третьих, в совместной новогодней передовой статье в главной партийной газете «Нодон синмун» 1 января 2012 г. сказано, что военнослужащие должны «всем сердцем воспринять замысел партии» и «ценой жизни» защищать ее ЦК во главе с Ким Чен Ыном [12, 01.01.2012]. И нынешняя, и прошлогодняя новогодние передовые однозначно свидетельствуют о том, что армия, хотя и остается «опорой» и даже «главной движущей силой» революции, играет эту роль согласно воле и замыслу партии [12, 01.01.2011].

Несмотря на то что апрельское пополнение состава Политбюро ЦК ТПК произошло в основном из числа генералов, это не правление военных, а, скорее, правление при помощи, при опоре на военных. Осторожная позиция самих генералов, возможно, объясняется тем, что в КНДР, как и в других бывших социалистических странах, они традиционно вовлечены в политическую жизнь: участвуют в выборах, являются членами центральных и местных пар-

тийных и государственных органов, поэтому, видимо, хорошо представляют себе масштаб проблем, стоящих перед КНДР, и осознают ответственность, которую им придется нести в случае решения взять на себя непосредственное руководство страной. Возможно также, что они просто смирились с привычным доминированием партийных функционеров.

Пока что Ким Чен Ын больше выполняет роль символа, «лица» режима. Судя по первым месяцам его правления, он пытается сделать это лицо если не более либеральным, то уж по крайней мере менее суровым. В отличие от отца, он выступает с речами на публике, не старается держать непреодолимую дистанцию в общении с людьми и, наконец (неслыханное дело для корейцев), вывел в свет свою красавицу-жену и явно предпочитает шагать под ручку с ней, а не под конвоем угрюмых генералов. Однако речь пока идет об изменении стиля, а не существа политики, но, как говорят в Корее, любой путь начинается с первого шага.

Руководитель новый – проблемы прежние

Как следует из совместной новогодней передовой статьи трех газет КНДР – партийной «Нодон синмун», армейской «Чосон инмингун» и молодежной «Чхоннен чхонви», в которой традиционно подводят итоги минувшего года и намечают задачи на новый, каких-либо заметных изменений в проводимый при Ким Чен Ир курс вносить не предполагается. Партии, армии и народу предложено руководствоваться уже известной из истории КНДР и ряда других стран формулой: «Ким Чен Ын – это Ким Чен Ир сегодня» [12, 01.01.2012].

В Пхеньяне с крайним раздражением отреагировали на высказанные мировыми СМИ в связи с отставкой Ли Ен Хо предположения о возможности каких-то перемен в политике режима, его движении к «реформам и открытости», назвав подобные комментарии «галлюцинациями» тех «враждебных сил», которые хотели бы навязать КНДР свою «коррупцированную систему» [35].

Между тем поставленная еще в 1998 г. генеральная цель построения к 2012 г. «могучей и процветающей державы» так и не была достигнута, хотя в идеологическом (безраздельное господство официальных идей чучхе) и военном плане (создание ядерного оружия) эта задача объявлена уже решенной. К юбилею предполагали добиться подобных результатов и в области экономики. Передовая 2012 г. вместо «державы» пишет всего лишь о «сильном и процветающем государстве», для построения которого теперь

«широко распахнуты двери», и напоминает о существовании в стране продовольственной проблемы и актуальной необходимости ее решения [12, 01.01.2012]. Если переложить все это на более понятный нам язык советской пропаганды, то получается, что КНДР пока находится на этапе «развернутого строительства» такого государства.

Главным внутренним вызовом новому руководству остается положение в экономике. Несмотря на ряд попыток, предпринятых в последние годы, таких как «государственные меры в области экономики» от 1 июля 2002 г., денежная реформа конца 2009 г., разрешение рыночной торговли, существенно поправить экономическую ситуацию пока не удалось.

Среди основных причин такого положения можно упомянуть отвлечение больших средств на поддержание обороноспособности за счет прежде всего продвижения дорогостоящих ядерной и ракетной программ, продолжающееся блокирование Соединенными Штатами доступа Пхеньяна к внешним источникам инвестиций для модернизации экономики, а также внутренние обстоятельства идеологического, политического, организационного и кадрового характера. В дополнение к этому страну почти ежегодно постигает то одно, то другое стихийное бедствие: наводнения следуют за засухами и наоборот.

Неслучайно власти, несмотря на широковещательные заявления об одержанных «победах», уже который год воздерживаются от обнародования каких-либо конкретных экономических показателей. Так, на сессии ВНС КНДР в апреле 2012 г. глава Кабинета министров Цой Ен Рим в своем докладе о работе правительства ограничился тем, что сообщил о приросте промышленного производства в 2011 г. на 2% по сравнению с предыдущим годом. Однако сравнить эту цифру не с чем: никаких абсолютных показателей выпуска продукции не было приведено, как и конкретных размеров бюджета страны.

Отдельные местные успехи, в том числе запуск нескольких электростанций, похоже, не переломили общего неудовлетворительного состояния дел в экономике, прежде всего в топливно-энергетическом секторе. Окончательно стала ясной невозможность модернизации и структурной перестройки экономики без привлечения иностранного капитала. У КНДР нет средств на модернизацию крайне изношенного транспорта и инфраструктуры. Так, поездка по железной дороге из Чхончжина, одного из крупнейших городов на побережье Японского моря, до столицы (около 700 км) порой занимает до пяти суток. Оживление экономической активности происходит почти исключительно за счет повышения интенсивности труда.

Спустя почти три года после денежной реформы цены на многие товары выросли более чем в 10–20 раз (на рис — с 45 до 800–1000 вон за 1 кг). За этот же период доллар на «черном» рынке подорожал до 5 тыс. вон и более, что также примерно в 30 раз выше официального курса⁴.

До сих пор нет свидетельств того, что предпринимаемые властями в области экономики меры являются элементами некой принципиально новой экономической стратегии. Судя по всему, пока речь идет не о демонтаже существующей системы, а о попытках ее несколько подновить и сохранить.

Вместе с тем, без сомнения, заслуживают внимания некоторые обстоятельства, которые способствуют оживлению экономической активности. Так, многие виды экономической деятельности, ранее запрещенные законом, равно как и доходы от них, теперь легализованы; уменьшена роль партии на производствах за счет существенного ограничения полномочий парткомов; произошел отказ от некоторых базовых принципов социалистического планирования — «детализации и унификации», иными словами — от тотального стремления планировать все и вся; появились социальные группы, в том числе в составе элиты, заинтересованные в экономической либерализации; в правительстве и парламенте заметно возросла доля лиц, имеющих высшее техническое и иное специальное образование.

Однако перемены в хозяйственной деятельности наряду с появлением отдельных анклавов благополучия внесли в общество и немало социального напряжения, оставив многих за бортом новых экономических реальностей. Налицо усиление социального расслоения, прежде всего в крупных городах. Более зримым стало социальное неравенство в обществе, где якобы все «живут равномерно обеспеченной жизнью и наслаждаются счастьем». Расхождение между официально пропагандируемыми ценностями и жизненными реалиями становится все более разительным.

В результате на уровне обыденного сознания официальная идеология, которой теперь объявлен «кимирсенизм-кимчениризм», т.е. систематизированные в форме учения идеи чучхе, все больше воспринимается как неизбежная обязанность периодически повторять официальные заклинания. Это порождает так блестяще описанное Дж. Оруэллом «двоемыслие» и двойные стандарты в поведении людей, часто скрывающих за внешними проявлениями лояльности режиму сугубо прагматическую линию на выживание любой ценой.

⁴ Вона — денежная единица в КНДР и Республике Корея (РК).

Нельзя утверждать, что власти ничего не предпринимают для решения насущных проблем. Об определенной корректировке экономической и социальной политики свидетельствует, в частности, содержание упомянутых новогодних статей. В последние 3 года в них делали акцент на развитии легкой промышленности, сельского хозяйства и улучшении благосостояния населения [12, 01.01.2010; 01.01.2011; 01.01.2012]. В 2010–2011 гг. заметно выросла доля поездок Ким Чен Ира и Ким Чен Ына для руководства на месте различными экономическими объектами [27].

Судя по выступлениям Ким Чен Ына и других руководителей, решать эти задачи предполагается прежде всего за счет внедрения достижений научно-технического прогресса, в первую очередь самобытных («чучхейских») способов производства металлов, удобрений, а также благодаря компьютеризации производственных процессов и созданию «экономики знаний» [12, 01.01.2012].

Скудость внутренних источников накопления для решения поставленной задачи модернизации и технического перевооружения экономики стимулировала принятие целого ряда мер по привлечению инвестиций из-за рубежа и совершенствованию государственного регулирования в этой области. В 2010 г. было объявлено о создании международной инвестиционной группы «Тэпхун» и государственного Банка развития, призванного привлечь и консолидировать внешние инвестиционные ресурсы [10]. Активизировалось формирование и развитие торгово-экономических зон (ТЭЗ). Несмотря на резкую антиюжнокорейскую риторику, продолжает успешно функционировать межкорейская Кэсонская промышленная зона.

Прорывая блокаду

В условиях продолжающейся линии на политическую изоляцию и экономическое удушение положения в КНДР со стороны США, Японии и Южной Кореи **главным направлением внешнеполитических усилий Северной Кореи стал Китай**. Беспрецедентно интенсивный политический диалог на высшем и высоком уровне между двумя странами способствовал резкому росту двусторонних торгово-экономических связей, приданию им нового качественного содержания. Достаточно сказать, что в течение 2010–2011 гг. Ким Чен Ир четырежды посетил КНР, а десятки китайских делегаций высокого уровня побывали в КНДР.

Последние годы высокими темпами рос товарооборот между двумя странами, достигнув 5,63 млрд долларов в 2011 г., что на 62,5% выше показателя 2010 г. Развитие экономическим связям с КНР стало не только главным, но и необходимым условием вы-

живания Северной Кореи. Этапным шагом в этом направлении было решение о создании в 2011 г. двух совместных экономических зон на границе с КНР – на островах Хвангынпхен и Вихвадо – вдобавок к уже идущему сотрудничеству в ТЭЗ «Расон». О том, какое значение в Пхеньяне придают совместным с Китаем проектам, свидетельствует тот факт, что председателем корейской части в корейско-китайской комиссии по развитию и управлению этими зонами стал Чан Сон Тхэк. Его поездка в КНР в августе 2012 г., где он был принят Ху Цзинтао и участвовал в 3-м заседании указанной комиссии, – самое свежее тому подтверждение.

Впрочем, некоторые специалисты в КНР выражают сомнение в том, что северокорейцам удастся привлечь достаточные китайские инвестиции в эти проекты. Они обращают внимание на то, что Китай больше заинтересован в Расонской ТЭЗ, которая дает ей выход в Японское море. В феврале 2012 г. стало известно, что КНР получила в аренду на 50 лет три из имеющихся шести терминалов в Раджине, главном порту ТЭЗ, и собирается вложить в развитие зоны около 3 млрд долларов, построив там электростанцию, аэропорт, железную дорогу и другие объекты [8].

Намерение Китая и впредь оказывать всемерную поддержку своему северо-восточному соседу и союзнику подтвердил тот факт, что все высшие китайские руководители, начиная с Ху Цзиньтао, лично посетили посольство КНДР в Пекине, чтобы выразить свои соболезнования в связи с кончиной Ким Чен Ира. Китайская сторона оперативно приняла решение о предоставлении КНДР 500 тыс. тонн продовольствия и 250 тыс. тонн нефти. Заметно расширившееся политическое и экономическое присутствие КНР в Северной Корее, заступничество китайцев за северокорейцев на международной арене, особенно ярко проявившееся в блокировании Китаем попыток США, Южной Кореи и их союзников осудить КНДР за приписываемое этой стране потопление южнокорейского корвета «Чхонан» и обстрел острова Енпхендо в 2010 г., побудило «The New York Times» язвительно заметить, что Китай «колониализует» КНДР [16].

Другим важнейшим направлением внешнеполитической стратегии Северной Кореи, судя по первым шагам администрации Ким Чен Ына, останется **нормализация отношений с США** с целью снять или хотя бы существенно снизить уровень военной угрозы или вероятность других акций, призванных привести к смене режима в КНДР.

Северокорейское руководство решительно осудило действия Вашингтона и Запада в Ливии, не преминув указать на прямую связь ядерного разоружения этой страны с последующей агрессии-

ей против нее. Заодно в КНДР подчеркнули, что ливийские события подтвердили правоту избранного ими пути «приоритета армии» и создания средств самообороны, оказавшихся, по их мнению, «весьма ценными для предотвращения войны и защиты мира и стабильности на Корейском полуострове» [24].

Тем не менее в Пхеньяне отлично понимают, что без достижения определенного компромисса с США по вызывающим у обеих сторон озабоченностям КНДР не удастся ни решить проблему безопасности, ни получить столь нужные инвестиции. В этой связи после приостановки в декабре 2008 г. шестистороннего переговорного процесса по ядерной проблеме Корейского полуострова северо-корейцы настойчиво добивались установления двустороннего канала диалога с Соединенными Штатами.

Серия контактов, начавшихся летом 2011 г., завершилась достижением ряда договоренностей в Пекине, о которых стороны объявили, каждая на свой лад, в Пхеньяне и Вашингтоне 29 февраля 2012 г.

Суть этих договоренностей сводилась к согласию КНДР практически на все предварительные условия, которые США и их союзники выдвигали для возобновления шестисторонних переговоров. В частности, Северная Корея пообещала объявить мораторий на ядерные испытания и пуски ракет большой дальности, приостановить работу завода по обогащению урана в атомном центре в Ненбене и разрешить инспекторам МАГАТЭ в этом удостовериться [22].

Однако сдавать уже имеющийся ядерный арсенал КНДР, особенно после ливийских событий, явно не намеревалась. Неслучайно об этом в достигнутых договоренностях — ни слова, как и о сроках возобновления шестисторонних переговоров.

Ничего сверх того, о чем удалось договориться в Пекине, американцы в ближайшее время от Северной Кореи и не добивались. Им было важно не допустить, чтобы КНДР и дальше совершенствовала свое ядерное оружие и средства его доставки, а также продвигала наряду с плутониевой вторую (урановую) программу накопления оружейных материалов.

США также заявили, что не имеют враждебных намерений в отношении КНДР и готовы предпринять шаги к улучшению отношений «в духе взаимного уважения суверенитета и равенства» [36]. Впрочем, такие обещания на протяжении последних двух десятилетий американцы давали неоднократно, что не мешало сторонам несколько раз оказываться на волоске от большой войны, как это произошло в 2010 г.

Кроме того, обещание Белого дома соблюдать Соглашение о перемиири давало Пхеньяну определенный запас прочности против

давления со стороны Южной Кореи. Можно даже сказать, что договоренности между США и КНДР де-факто подрывали сами основы курса нынешней администрации РК в отношении Северной Кореи. Сеул претендовал на первые роли в решении ядерной проблемы, в то время как Пхеньян настаивал, что главным своим «визави» он считает Вашингтон, и в Пекине, похоже, добился своего.

Руководство КНДР заявило, что будет соблюдать мораторий лишь до тех пор, пока продолжается «продуктивный», по его мнению, диалог с США. Американские дипломаты в своем сообщении об итогах переговоров об этом предпочли умолчать, равно как и о ряде других моментов, которые северокорейцы вынесли на первый план [22]. В целом, как явствовало из факта публикации сторонами отдельных заявлений по итогам встречи, а также из текстов самих документов, приоритеты КНДР и США и даже очередность решения вроде бы согласованных задач оставались по-прежнему далеко не всегда совпадающими [22].

В результате мораторий Северной Кореи оказался не безусловным и не бессрочным. В 1999 г. КНДР уже приостанавливала пуски ракет «на период переговоров» с США, однако, когда американцы прервали диалог, отказалась от моратория. Таким образом, с помощью этого условия Пхеньян снова попытался придать диалогу с Вашингтоном некую устойчивость. Американцы же рассчитывали обеспечить выполнение северокорейцами своих обязательств за счет «порционного» метода поставки обещанной ими продовольственной помощи КНДР (240 тыс. тонн всего, по 20 тыс. тонн в течение 12 месяцев).

Дальнейшие события показали, что февральские двусторонние договоренности — всего лишь первый шаг на новом этапе сложного дипломатического маневрирования. Заместитель министра иностранных дел КНДР Ли Ен Хо, находившийся в начале марта в США формально для участия в международной конференции, по сообщениям СМИ, встретился с «гуру» американской дипломатии Г. Киссинджером и передал ему приглашение посетить Пхеньян с «посреднической миссией» [9].

Похоже, на корейской «шахматной доске» затевали новую комбинацию с элементами авантюрного романа: США, не сумевшие добиться согласия Китая наказать строптивного «изгоя», предпринимают попытку добиться своего, как говорится, не мытьем, так катаньем — некоторые американские аналитики стали намекать на возможность установления с КНДР при новом руководителе этой страны некоего подобия «стратегического партнерства».

Против кого оно может быть направлено, долго гадать не приходится. Мнения большинства политических обозревателей и

политиков азиатских стран совпадают: пресловутое «возвращение» США в Азию, равно как и провозглашенное Б. Обамой в 2011 г. Транстихоокеанское стратегическое партнерство, нацелено на недопущение роста влияния Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, если уж до конца называть вещи своими именами, на сдерживание КНР и ее военно-политическую изоляцию в АТР [4].

Ставка сделана на перепрограммирование в нужном Вашингтону направлении внешней политики, а также политики в области безопасности и обороны средних и малых государств по периметру китайских границ — начиная с Центральной и Южной Азии и заканчивая Северо-Восточной. Одним из наиболее ярких проявлений этого курса стал внезапный визит Х. Клинтон в Мьянму, после чего произошло явно поспешное примирение США с режимом, который в Вашингтоне на протяжении последних десятилетий числили в списке самых худших в мире по соблюдению прав человека.

Американо-северокорейская сделка, похоже, должна была положить начало «мьянмамизации» КНДР, ведь внятного объяснения ей трудно подыскать, если не обратиться к более широким геополитическим соображениям. Администрация Б. Обамы в течение всего своего срока у власти проводила в отношении Пхеньяна линию «стратегического терпения», сводившуюся к демонстративному отказу от диалога с КНДР, введению новых санкций и другим плохо завуалированным попыткам вызвать крах режима. И вдруг со стороны США — столько далекого идущих обещаний и вполне конкретная помощь продовольствием в обмен на то, что северокорейцы с 2009 г. и так перестали делать — проводить новые ядерные испытания и запускать межконтинентальные ракеты. Построенный КНДР завод по обогащению урана, по свидетельству З. Хеккера, бывшего директора Лос-Аламосской национальной лаборатории, допущенного на предприятие в ноябре 2010 г., пока также соответствует заявленной цели — производству низкообогащенного урана для возводимого северокорейцами собственными силами реактора на легкой воде.

Что же касается северокорейцев, которым заметно возросшая зависимость от Китая вряд ли по душе, то они, по-видимому, не прочь американцам в чем-то подыграть. Им очень нужно было создать более благоприятное международное окружение для укрепления позиций нового лидера, празднования политически знаковых юбилеев и решения экономических проблем.

Очередное американо-северокорейское «перемирие» могло оказаться плохим сигналом для Ближнего Востока. Если предположить, что политическое решение о новой войне в этом регионе

к тому времени было уже принято, то «замирением» с Пхеньяном Белый дом, вероятно, пытался обеспечить себе международные тылы. Дело в том, что вторжение в Иран или Сирию (на что США и тем более Израиль вряд ли получают санкцию Совбеза ООН) вполне может быть сочтено Северной Кореей подходящим моментом для нового ядерного или ракетного испытания. Американцы, если они проигнорируют Совбез или наложат вето на осуждение действий Израиля, вряд ли смогут заручиться поддержкой ООН, чтобы осудить Пхеньян, до которого при подобных обстоятельствах просто ни у кого не дойдут руки. Возможно, в этом заключается вторая причина (наряду с антикитайской стратегией) внезапного решения администрации Б. Обамы пойти на компромисс с КНДР.

И тут Пхеньян, к удивлению всего мира (за исключением самих американцев), расстроил всю комбинацию, объявив 16 марта 2012 г. о предстоящем запуске искусственного спутника Земли, приуроченном к 100-летию со дня рождения Ким Ир Сена. Что же касается Вашингтона, то его в ходе состоявшихся встреч северокорейцы предупреджали, что их «мирная» космическая программа не подлежит обсуждению.

Решение о запуске многое сказало прежде всего о ситуации в самой КНДР. Как уже было отмечено, построить к празднику «экономически могущественную державу» и снять остроту продовольственной проблемы явно не удалось [12, 01.01.2012]. При недостатке «хлеба» обращение к пропагандистски выигрышным «зрелищам», призванным продемонстрировать народу достижения, которые ставят КНДР в один ряд с окружающими «большими» странами, оказалось практически неизбежным. Конечно, такие запуски носят многоцелевой, в том числе военный, характер, но безусловным представляется и тот факт, что главный полезный «груз», который должна была поднять на этот раз ракета «Ынха-3», был пропагандистско-политическим.

Кроме того, в Пхеньяне, судя по всему, решили твердо настаивать на своем суверенном праве использования атомной энергии и космического пространства в мирных целях. Оно закреплено в соответствующих международных договорах и конвенциях, носящих универсальный характер и имеющих, по мнению северокорейцев, приоритет над решениями Совета Безопасности ООН, которые запрещают КНДР запуски ракет с использованием баллистических технологий [21]. Данным правом широко пользуются все окружающие КНДР государства, поэтому надо быть реалистами: в Пхеньяне никогда не смиряются с подобными запретами.

Мировому сообществу вряд ли стоило игнорировать, как это произошло, ряд позитивных тенденций в действиях КНДР в связи

с предстоящим запуском. Если накануне предыдущей попытки Пхеньян присоединился к нескольким конвенциям об использовании космического пространства в мирных целях, то на этот раз он объявил о траектории полета, максимально учитывающей интересы соседних стран, и пригласил ученых и журналистов присутствовать при запуске спутника [28].

Учитывая эти обстоятельства, реалистично мыслящие аналитики, в том числе американские, призывали всерьез отнестись к приглашению направить специалистов для наблюдения за запуском. Так, директор научных программ Центра стратегических и международных исследований на Гавайях Карл Бейкер обратил внимание на заметные различия между запуском ракеты-носителя, задача которой – вывести полезную нагрузку (спутник) на околоземную орбиту, и баллистической ракеты, чья траектория предполагает обратный вход в атмосферу и доставку груза (боеголовки) в заранее намеченную точку на поверхности Земли. Ученый считал, что принятие приглашения Пхеньяна, легализуя в известной степени запуски им спутников, в то же время помогло бы окончательно поставить вне закона испытания северокорейцами межконтинентальной баллистической ракеты [20].

Западные эксперты также обратили внимание на двусмысленность некоторых формулировок в соответствующих решениях Совета Безопасности ООН, в частности резолюции 1874, запрещающей КНДР испытания «с использованием технологий баллистических ракет», но ничего не говорящей о запусках спутников [14].

Документы Совбеза ООН, которые осуждают ракетные пуски и ядерные испытания, проведенные северокорейцами в 2009 г., в КНДР отвергают как носящие односторонний и дискриминационный характер. То же самое произошло с заявлением Председателя Совета Безопасности ООН по поводу апрельского запуска [23].

В условиях, когда КНДР стремилась придать запуску максимальную открытость, международному сообществу предстояло решить непростую задачу поиска точно дозированной и согласованной реакции на действия Пхеньяна. Эта реакция должна была учитывать не только принятые в последние годы документы ООН, но и известные лакуны и несоответствия в международном праве и реалии современных международных отношений, а также опыт взаимодействия с КНДР в аналогичных случаях в прошлом. Главное опасение заключалось в том, что излишне жесткая позиция в отношении запуска спутника могла послужить для Пхеньяна удобным предлогом для проведения очередного ядерного испытания, последствия которого в плане распространения оружия массового уничтожения в Северо-Восточной Азии могли бы оказаться более чем плачевными.

Пока Северная Корея воздерживается от этого шага, но при резких переменах в международной ситуации он вполне возможен. Понимая это, Вашингтон летом 2012 г. снова пошел на возобновление закрытых контактов с КНДР в Сингапуре [1].

Что же касается **отношений с Южной Кореей**, то они представляют собой, пожалуй, самую обременительную часть внешнеполитического багажа, оставленного в наследство Ким Чен Ыну, и находятся в худшем состоянии со времен Корейской войны [19, с. 466].

Администрация Ли Мён Бака после прихода к власти в 2008 г. отказалась практически от всех договоренностей, достигнутых с КНДР двумя предыдущими президентами РК – Ким Дэ Чжуном и Но Му Хеном, прежде всего от совместных экономических проектов как якобы выгодных в первую очередь КНДР. Взамен была выдвинута высокомерно-патерналистская программа «Денуклеаризация, открытость, 3000». Суть ее сводилась к тому, что Сеул в обмен на отказ Пхеньяна от ядерного оружия и проведение реформ поможет ему довести валовой национальный продукт на душу населения к 2020 г. до 3 тыс. долларов и предоставит некие гарантии безопасности.

В Пхеньяне объяснили, что ядерное оружие было создано в ответ на «враждебную политику» США, с которыми северокорейцы и будут вести переговоры по этому вопросу, а от Сеула потребовали соблюдения договоренностей, достигнутых на межкорейских саммитах в 2000 и 2007 гг. Ситуация оказалась на грани широкомасштабного вооруженного конфликта после известных инцидентов с корветом «Чхонан» и обстрелом острова Енпхендо в 2010 г. [см. подробнее: 6].

С тех пор южнокорейцы требуют от КНДР признания вины за эти события и официальных извинений в качестве предварительных условий нормализации отношений.

Одним из наиболее острых остается также вопрос о возобновлении туристических поездок южнокорейцев в Кымгансан. Правительство РК отказывается одобрить их без официальных извинений КНДР за инцидент с южнокорейской туристкой, застреленной там северокорейским часовым летом 2008 г.

Еще одним серьезным раздражителем в межкорейских отношениях стал запуск воздушных шаров в направлении КНДР, которые наряду с деньгами, предметами ширпотреба и т.п. содержали листовки с призывами к свержению существующего там строя. Эти акции были проведены при явном попустительстве властей РК различными организациями правого толка и группами перебежчиков из КНДР, обосновавшимися в Южной Корее. Особое негодо-

вание у официального Пхеньяна вызвали также сообщения о том, что южнокорейские военнослужащие использовали на стрельбах в качестве мишеней портреты северокорейских руководителей.

При Ким Чен Ире Пхеньян лишь возмутился и требовал прекращения таких акций. Ким Чен Ын оказался более решительным и перешел к ответным действиям: шары с листовками, разоблачавшими «раскольническую» политику «клики» Ли Мён Бака, полетели на Юг, а самого южнокорейского президента в СМИ КНДР иначе как «иудой» и «предателем» не величают. Судя по всему, в Пхеньяне решили дождаться прихода новой администрации в Сеуле, так как президента РК избирают на один 5-летний срок, и после выборов в декабре 2012 г., в которых он не может участвовать, в «Голубой дом» должен прийти новый глава государства.

Уход из жизни Ким Чен Ира оказался в центре внимания мирового сообщества, вызвал вал самых разноречивых откликов и прогнозов. Многие лидеры как на Западе (в США и странах ЕС), так и на Востоке (в Японии и Южной Корее) не скрывают обеспокоенности возможным курсом нового руководства в Пхеньяне. Вместе с тем невозможно не заметить, что все последние годы призывы США и их союзников к «открытию» КНДР, ее «вовлечению» и превращению в цивилизованного члена международного сообщества сопровождались широкомасштабной кампанией по демонизации этого государства, заявлениями о его «иррациональности» и непредсказуемом международном поведении и как следствие — о невозможности сотрудничать с ним. На деле США добиваются реформирования, а смены режима в КНДР.

Теперь для всех, у кого есть интересы на полуострове, настал «момент истины». Им предстоит определиться со своим отношением к новому лидеру этой страны. Он еще не успел добиться каких-либо успехов, но и заметных ошибок за ним не числится, по крайней мере таких, которые запятнали бы его политическую репутацию и сделали бы его неприемлемым партнером для Запада.

Всем участникам шестисторонних переговоров можно посоветовать не сталкивать молодого Кима в окопы «холодной войны» (а попытки демонизировать его с помощью «утечек» неких «разведданных» о его якобы ужасном характере и ответственности за обстрел южнокорейского острова Енпхендо в 2010 г. уже предпринимаются). Представляется целесообразным дать ему шанс, предложить совместно найти решения вызывающих взаим-

ную озабоченность проблем, попробовать устранить некоторые реальные опасения, которые, безусловно, испытывают в КНДР, видя судьбу лидеров ряда стран, переживших «арабскую весну», и помочь развеять другие, может быть, надуманные страхи северокорейской стороны.

Именно за такой путь выступает и Москва. В своей статье «Россия в меняющемся мире» президент РФ В.В. Путин отметил, что «у КНДР и России – общая граница, а соседей, как известно, не выбирают. Будем продолжать активный диалог с руководством этой страны, развивать добрососедские связи, одновременно выводя Пхеньян на решение ядерной проблемы. Очевидно, что это будет сделать легче, если на полуострове укрепится атмосфера взаимного доверия, возобновится межкорейский диалог». В.В. Путин подтвердил принципиальную позицию нашей страны: «...ядерный статус КНДР для нас неприемлем. Мы неизменно выступаем за денуклеаризацию Корейского полуострова, причем исключительно политико-дипломатическими средствами, призываем к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров. <...> Борцам за нераспространение надо перестроиться, особенно тем, кто привык наказывать другие страны с помощью военной силы, не дав поработать дипломатии» [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Сингапуре встретились представители КНДР и США [Электронный ресурс] // Окно в Корею [Интернет-портал]. 05.08.2012 г. URL: <http://www.k-window.com/world/v-singapore-vstretilis-predstaviteli-kndr-i-ssha/> (дата обращения: 06.08.2012).

2. Витэхан рендочжа кимчониль тончикесо палькисин сонгунхенмен-рендое кванхан токчхачок сасан [Оригинальная идея о руководстве революцией, отдающей приоритет армии, освещенная великим руководителем товарищем Ким Чен Иром]. Пхеньян: Общественные науки, 2002. (на кор. языке).

3. Выбор РИА Новости: главные события года в мире [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 19.12.2011 г. URL: <http://ria.ru/world/20111219/520906896.html> (дата обращения: 24.06.2012).

4. Генри Киссинджер: Война в Иране похоронит Россию и Китай [Электронный ресурс] // Новый Регион-2: Новостное агентство [Официальный сайт]. 16.01.2012 г. URL: <http://www.nr2.ru/policy/367607.html> (дата обращения: 22.07.2012).

5. Екса квахак [Вопросы истории]. Пхеньян, 1994. № 1 (ежеквартальный журнал на кор. языке).

6. Жебин А.З. Корейский полуостров: у опасной черты // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 124–135.

7. Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006.

8. *Кириянов О.* Китай получил в аренду на 50 лет северокорейский порт Расон // Российская газета. 2012. 15 февр.
9. КНДР предложила Киссинджеру посетить Пхеньян с «посреднической миссией» // ИТАР-ТАСС. 2012. 13 мар.
10. КНДР решила создать государственный банк развития для проведения внешнеэкономического сотрудничества [Электронный ресурс] // «Женьминь жибао» онлайн. 21.01.2010 г. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/6875653.html> (дата обращения: 25.07.2012).
11. Минчжу чосон [Демократическая Корея]. 2010. 8 июня (ежедневная газета на кор. языке).
12. Нодон синмун [Рабочая газета] (орган ЦК ТПК, ежедневная газета на кор. языке).
13. *Путин В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр.
14. Резолюция 1874 (2009), принятая Советом Безопасности на его 6141-м заседании 12 июня 2009 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2009/res1874.htm> (дата обращения: 23.07.2012).
15. Самые яркие события 2011 года // Ведомости. 2011. 31 дек.
16. *Скосырев В.* Китай «колонирует» Северную Корею // Независимая газета. 2011. 27 окт.
17. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 2010.
18. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики [Электронный ресурс] // Нэнара [Моя страна] [Интернет-портал]. 17.04.2012 г. URL: <http://www.naenara.com.kp/ko/great/constitution.php?1> (дата обращения: 25.07.2012) (на кор. языке).
19. *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: Форум, 2012.
20. *Baker C.* Double Down on North Korea's Bluff. PacNet#18A, 19.03.2012 [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies [Official website]. URL: <http://csis.org/publication/pacnet-18a-double-down-north-koreas-bluff> (accessed: 28.07.2012).
21. DPRK Foreign Ministry Spokesman on Launch of Working Satellite // Korean Central News Agency. 2012. March 23.
22. DPRK Foreign Ministry Spokesman on Result of DPRK – U.S. Talks // Korean Central News Agency. 2012. February 29.
23. DPRK Rejects UNSC's Act to Violate DPRK's Legitimate Right to Launch Satellite // Korean Central News Agency. 2012. April 17.
24. Foreign Ministry Spokesman Denounces US Military Attack on Libya // Korean Central News Agency. 2011. March 22.
25. KCNA Commentary Rebukes False Rumors about DPRK Leadership // Korean Central News Agency. 2012. July 20.
26. Kim Jong Un Sets Forth Tasks for Effecting Kim Jong Il's Patriotism // Korean Central News Agency. 2012. August 3.
27. Kim Jung-un Makes over 61 Inspection Visits. Institute for Far Eastern Studies, February 1, 2012 [Electronic resource] // North Korean Economy

28. Launch of Satellite Kwangmyongsong-3 is Legitimate Right of DPRK // Korean Central News Agency. 2012. March 18.
29. Message of Condolences from China // Korean Central News Agency. 2011. December 19.
30. Message of Condolences to Kim Jong Un from Russian President // Korean Central News Agency. 2011. December 19.
31. Report on Meeting of Political Bureau of C.C., WPK // Korean Central News Agency. 2011. December 31.
32. Ri Yong Ho Relieved of All His Posts in DPRK // Korean Central News Agency. 2012. July 16.
33. Special Report of Political Bureau of C.C., WPK // Korean Central News Agency. 2012. January 12.
34. Title of Generalissimo Awarded to Kim Jong Il // Korean Central News Agency. 2012. February 15.
35. To Expect "Change" from DPRK Is Foolish Ambition: Spokesman for CPRK // Korean Central News Agency. 2012. July 29.
36. U.S. Department of State. U.S. – DPRK Bilateral Discussions, Press Statement. February 29, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/02/184869.htm> (accessed: 16.07.2012).